

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Л.М. ДРОБИЖЕВА

Этническая солидарность, гражданская консолидация и перспективы межэтнического согласия в Российской Федерации

В статье анализируются изменения в распространенности и содержании российской идентичности. Рассматривается соотношение общегражданской, республиканской и этнической идентичностей, проблемы этнической солидарности, сохранения единства общества, целостности страны, условий поддержания межэтнического согласия и развития гражданской солидарности в обществе. Анализ осуществлен на основе итогов сравнительных репрезентативных исследований в республиках Поволжья, Урала и Дальнего Востока в сопоставлении с общероссийскими данными в динамике за 20 лет с начала 1990-х до 2011–2012 гг.

Ключевые слова: гражданская идентичность, этническая солидарность, межэтническая консолидация, этническое самосознание, этнические установки.

The article analyses a change in Russian identity, it's abundance and content. It's also considered such problems as: interrelation of national, republican and ethnic identities; ethnic solidarity; preservation of social unity and country is integrity; conditions of interethnic consent maintenance; civil solidarity development. The analysis is based on the results of relative representational investigation in Volga region, Ural and Far East in comparison with All-Russia MIDI data animated for 20 year flight from 1990's up to 2011–2012 years.

Keywords: civil identity, ethnic solidarity, interethnic reverse split, ethnic consciousness, ethnic installation.

В последние годы в публичной сфере все чаще говорят о схожести общественно-политических процессов нынешнего времени с теми, что происходили в нашей стране на рубеже 1990-х гг., и особенно о возрастающей угрозе российской государственности и территориальной целостности. Тиражированием подобных “страшилок” занимаются не только одиозные интернет-сайты: такого рода информация, часто не верифицированная, попадает и на эфирные, то есть наиболее массовые, телеканалы. Возможность понять, есть ли действительно основа для таких оценок, дают социологические исследования. Не отражая всех сторон социально-политической и тем более экономической жизни, считающихся скрепами государства и общества, они наиболее адекватно демонстрируют общественные настроения, с которыми не могут не считаться ни управленцы,

ни политики, если хотят сохранить власть и избежать катаклизмов. За результатами изучения настроений важно следить и всем гражданам страны, если они ощущают себя ответственными за дела в обществе.

Один из важных индикаторов социально-психологического здоровья социума – групповая идентичность. Ее распространенность среди населения, содержание (гражданское, государственническое, этническое), характер (его позитивная или негативная направленность) говорят и о целостности государства с точки зрения восприятия его гражданами страны, и об уровне согласия в обществе.

Проблемное поле категории “групповая идентичность”

Вопреки прогнозам специалистов, глобализация не снизила значимости этничности в современном социуме. Характерное для нашего времени транснациональное перемещение рабочей силы привело к повседневному соприкосновению граждан принадлежащих государств с людьми иной культуры, претендующих “на место под солнцем” в их странах, но не всегда готовых следовать правилу “*In Roma, prudenter quasi cives romanus*”¹. В России, исторически сформировавшейся как полиэтничное² и федеративное государство, межэтнические отношения отличаются тем, что негативные установки относительно иммигрантов переносятся и на сограждан с иной культурой, поколениями проживавших на территории страны.

Это не может не тревожить общество и власти. Среди рецептов сохранения межэтнического согласия часто предлагаются крайние меры: ликвидировать республики в Федерации; полностью закрыть въезд в страну гражданам государств Центральной Азии; сменить политику сохранения и развития культур народов России на преимущественную поддержку русского народа. Существуют и более взвешенные подходы – введение визового режима для въезда в РФ; организация жесткого миграционного контроля и т.п. Однако и такие, в целом рациональные, используемые тем же Евросоюзом, практики вряд ли оздороят ситуацию, если не сосредоточить максимум усилий на формировании гражданского общества, политической нации и гражданской идентичности.

Во всех странах консолидированная идентичность граждан считается необходимым условием сохранения целостности государства и поддержания согласия в обществе. Эта идентичность (здесь неважно – гражданская или этническая) может рассматриваться и как самоотождествление с общностью на основе “образа мы” (то есть представлений о ее культуре, языке, истории, территории), и как эмоциональное переживание упомянутых представлений и соответствующих этому действий. Если речь идет о действиях во имя граждан, то в международной науке и практике такая идентичность интерпретируется как гражданская. Но в нашей стране гражданское общество еще продолжает формироваться, так что остается вопрос: когда респонденты заявляют о себе как о гражданах России, это идентификация – действительно гражданская или все же это идентификация с государством, то есть государственная идентичность, а точнее – лояльность государству.

Поэтому, чтобы избежать непродуманных или неадекватных решений по консолидированию российского социума, надо определять его реальное состояние не только с точки зрения столичных жителей, но и населения регионов, разграничивая позиции отдельных политических акторов и массовое мнение. Важнейший источник такого знания – репрезентативные, профессионально выполненные социологические исследования. Обычно в публичном пространстве присутствует информация таких грандов изучения общественного мнения, как Левада-Центр, ФОМ и ВЦИОМ. Как правило, это данные всероссийских опросов, не в полной мере отражающих ситуацию в ре-

¹ “Живя в Риме, поступай как римлянин”. – Ред.

² Согласно Всероссийской переписи 2010 г., в РФ проживают представители 193 этносов или, говоря по старинке, национальностей [Окончательные... 2010].

гионах. И наоборот, публикации результатов исследований по какой-то территории (республике, краю, области) часто несопоставимы с общероссийскими и, кроме того, из-за нерегулярности опросов они не показывают тенденций в развитии.

В этом контексте уникальную возможность исследовать в динамике ситуацию с этнической, региональной и гражданской идентичностью дает сопоставление результатов двух исследований Института социологии РАН. Первое из них было проведено 20 лет назад в территориях с этнически гетерогенным населением – республиках Татарстан, Башкортостан и Саха (Якутия), где происходили сложные этнополитические конфликты. Тогдашние социологические исследования зафиксировали на уровне массового сознания актуализацию этнической и региональной консолидации и соответствующих идентификаций (см. [Национальное... 1994; Дробижева... 1996]). В 2011–2012 гг. в рамках проекта “Гражданская, региональная и этническая идентичность и проблемы интеграции российского общества” было проведено повторное обследование указанных регионов³. Первая проблема, которая ставилась в этом исследовании, – каково ныне содержательное наполнение идентификации граждан России и как она менялась на рубеже XX–XXI столетий. В этой связи важно понять, насколько такая идентификация совмещается с гражданским сознанием людей и какими ценностными ориентациями оно заполнено: конструктивными деятельностными установками или негативными, оборонными настроениями, фрустрациями.

Следующая проблема – соотношение гражданской, национально-государственной и региональной (областной, краевой, республиканской) идентичности. Тут уместно вспомнить, как сравнительно недавно некоторые российские регионы в условиях кризиса закрывали границы для перемещения товаров, а республики провозглашали суверенитет, наполняя его содержанием, не всегда соответствующим нормам Конституции РФ. В этой связи необходимо уяснить, как и при каких условиях преодолеваются/нарастают подобные деструктивные тенденции. К этому примыкает исследование вопроса об идеологемах региональных и федеральной элит, которые могут способствовать интеграции или, напротив, дезинтеграции российского пространства.

Наконец, особую важность представляет проблема, может ли актуализированная этническая идентичность препятствовать гражданской? Россия – страна поликультурная. Распад СССР, межнациональные конфликты, национальные движения, затем быстрый и достаточно масштабный для ряда регионов приток инациональных иммигрантов привели к тому, что этническая идентичность у русских и других народов страны актуализировалась. Ее индикатор – популярность у респондентов ответов типа “я никогда не забываю о своей национальности”, “в наше время человеку нужно ощущать себя частью своей национальности”. Опросы 1990-х гг. в целом демонстрировали, что в то время этнические идентичность и солидарность выступали как реальные конкуренты общероссийской гражданской идентичности [Неравенство... 2002].

Однако анализ эмпирического материала, характеризующего упомянутые процессы, одновременно показывает, что этническая категоризация отнюдь не всегда означает реальную включенность человека в этничность. Сила представлений, ощущение связи и сама связь с группой у людей сильно различаются. Поэтому вслед за Д. Хандельманом целесообразно разграничивать этническую категоризацию, этнические сети, этнические ассоциации, общины и пр. [Handelman, 1977]. Вместе с тем понимание необходимости избегания группизма не означает признания эфемерности этничности: “Общественная жизнь – повсюду, хотя и неравномерно, структурирована по этническим линиям, и этничность встречается в различных повседневных обстоятельствах”

³ Опрос проводился в 2011 г. Институтом социологии РАН в республиках Поволжья и Сибири по репрезентативной выборке для основных контактирующих в них национальностей. В Республике Башкортостан были опрошены 1030 респондентов, в Республике Саха (Якутия) – 1060 респондентов, в республике Татарстан – 1706 респондентов. Поскольку идея исследования состояла в сравнительном анализе ситуаций, в опросные листы были включены вопросы, входившие в программу обследований 1990-х гг., но дополненные актуальными для начала второго десятилетия XXI в. нюансами. Руководитель обоих проектов – Л. Дробижева.

[Брубейкер, 2012, с. 43]. Это могут быть не только националистическая риторика или политические проекты, но и обыденные столкновения, какие-то воспринятые смыслы, события, институты, дискурсивные фреймы, фиксации в социальных сетях. Когнитивистские подходы ориентируют на осмысление этничности (и нации тоже) как точку зрения на мир. Поэтому вполне рациональны выводы ученых (в том числе, цитированного выше Р. Брубейкера) о “сильной” и “слабой” идентичности.

Какие действия элит и общественности, какие социальные практики сдерживают гиперэтничность, агрессивную этническую солидарность, радикальный национализм, препятствуют дезинтеграции страны и консолидируют общество – важнейшая проблема, которую я постараюсь рассмотреть на основе материалов исследования.

Гражданская идентичность как индикатор целостности государства

Итак, один из наиболее значимых индикаторов социально-психологического состояния социума – гражданская идентичность. Характерной чертой российской идентичности как раз является то, что в значительной степени она основывается на представлениях об общем государстве. И результаты массовых опросов, и глубинные интервью показывают, что наши граждане ощущают общность именно потому, что **живут в одном государстве** – от 60 до 75% ответов по всем социальным и возрастным группам. Среди других консолидирующих представлений называют историческое прошлое, территорию, природу, язык, культуру (25–40%)⁴. Это – данные по общероссийскому массиву респондентов, где доминируют русские. Указанной тенденции соответствуют и представления людей других национальностей в республиках. Так, в Татарстане государство объединяющим фактором назвали порядка 80% татар; в Башкортостане у представителей титульного этноса практически такие же показатели. Роль общих символов и территории отметили около 58% татар, прошлое – 44–45%. Культурные тигли не имеют такой значимости для российской идентичности. Хотя русский язык знают более 90% татар и башкир, но все же это родной язык для русских, а для представителей других этносов – часто второй. Тем не менее треть опрошенных считают себя россиянами и по культуре, причем относят к ней не только обычаи и праздники, но и профессиональную литературу и искусство.

Такой объединяющий фактор гражданской идентичности, как ответственность за судьбу страны, выделили примерно треть респондентов, чаще всего молодые, более образованные люди, как по всей России в целом, так и в республиках – башкиры, татары и русские. В Саха (Якутии) этот показатель у русских – 40%, а у якутов – более 50%. Поэтому закономерно, что когда ставится прямой вопрос об ощущении единства респондентов с теми или иными социальными группами, люди осознанно отдают приоритет гражданской идентичности. В начале второго десятилетия XXI в. 72% опрошенных ощущали в значительной степени свою общность с гражданами России (в 2004 г. такая идентичность фиксировалась примерно у 30% населения; см. рис. 1). Иначе говоря, к 2011 г. российская идентичность стала не только самой распространенной среди наиболее значимых идентичностей, но и ощущение связи с ней стало наиболее высоким.

Отмечу любопытное явление: ощущение сильной связи с гражданами страны заметнее варьируется по республикам и меньше – по национальностям внутри республик. В Саха (Якутии) – это чувство было у 45% русских и столько же у якутов, в Татарстане – у 58% татар и 57% у русских, в Башкортостане – у 56% русских и татар и у 62% башкир. Немного отличающиеся показатели в Саха (Якутии) связаны в основном с пространственными представлениями. Основной массив граждан-россиян проживают в глазах якутян “там” – в Центре, на Западе. Об общности подобных

⁴ Здесь и далее приводятся данные, полученные в ходе опроса Института социологии РАН по проекту “Гражданская, региональная и этническая идентичность и проблемы интеграции российского общества”.

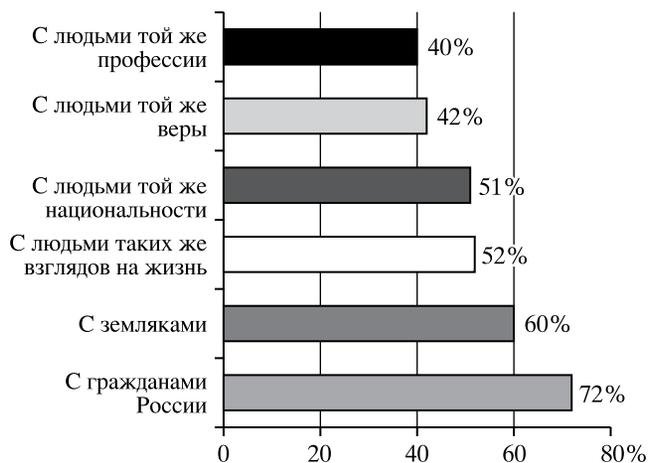

Рис. 1. Значимость для россиян разных форм идентичностей (с кем люди ощущают более тесную связь).

Источник: [Двадцать... 2011, с. 202].

представлений говорит то, что русские испытывают такие же ощущения связи, как и представители титульного этноса.

Очевидно и то, что в современном российском обществе у большинства людей есть цементирующие ценности: сама страна, где ты родился и жил, Родина. Представления об этом обычно эмоционально окрашены и составляют компонент идентичности, именуемый патриотизмом. Причем речь идет о нормальном, не “квасном” патриотизме, о чем свидетельствуют согласованные ответы респондентов на вопрос, что для них значит быть патриотом России: “любить свою страну” (95–99%), “стремиться улучшить жизнь в стране” (92–97%), “гордиться своей страной” (91–97%). Для сравнения: в начале 2000-х гг., по данным Левада-Центра, последний показатель составлял 70–80% [Левада-Центр, 2011].

Именно к этой форме идентичности направлено стимулирование чувств достоинства, самооценности граждан, осуществляемое в том числе посредством индоктринирования таких понятий, как “российская нация”, “единый народ России”, “многонациональный народ России”. Данные категории присутствуют в ежегодных посланиях Президента РФ Федеральному собранию и иных выступлениях главы государства начиная с 2000 г. (см. [Путин, 2000^а; 2000^б]).

Для характеристики самой российской идентичности приведенные показатели безусловно значимые, ведь речь идет об ощущении “сильной связи” с гражданами России. Следовательно, показатели государственно-гражданской идентичности в районах исследований не дают основания говорить об угрозе российской государственности.

Противостоят ли гражданская и этническая идентичности?

При столь выраженных высоких показателях распространенности российской идентичности проблема ее конкурирования с идентичностью по этническому признаку в известной мере переходит в вопрос об их совместимости. Исследования показывают, что 51% опрошенных ощущают сильную связь со своим этносом (в этнокультурном значении). Кстати, это относится и к локальной идентичности, которая по силе уступает только гражданской (см. рис. 2).

На рубеже 1990-х–2000-х гг. этническая идентичность превалировала не только у титульных национальностей российских республик, но и у русских. Ныне мы видим

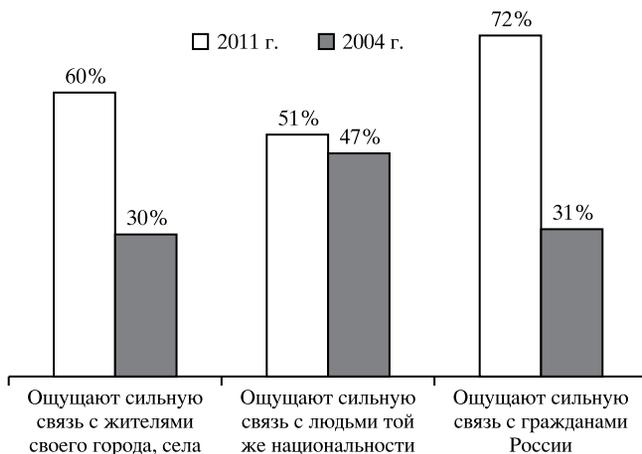

Рис. 2. Изменения значимости типов идентичностей россиян.

иную тенденцию – сосуществование ряда значимых для человека форм групповой идентификации. К 2011 г. ощущение сильной связи с людьми по этническому признаку у русских немного ослабло, очевидно, в связи с тем, что обида за распад Союза уже не так остро ощущается, выросло молодое поколение, для которого это уже только история. Особенность идентификации русских состоит в том, что у них этническая идентичность как бы подпитывает российскую государственно-гражданскую идентичность, в чем-то (в истории, в профессиональной культуре, языке) совпадая с ней. И со временем этот процесс углубляется. Притом, что у русских государственно-гражданская идентичность укреплялась, этническая солидаризация оставалась достаточно высокой. Помимо того, что 51% ощущали сильную связь с людьми своего этноса, 82% никогда не забывают о том, “кто они по национальности”, а 78% считают, что “человеку необходимо ощущать себя частью своей национальной группы, своего народа”.

Этническая идентичность не теряла своей значимости и среди башкир, якутов, татар. Сильную связь с людьми той же национальности ощущали 56% башкир и 44% татар в Башкортостане; 79% татар в Татарстане; 46% якутов в Саха (Якутии). Этничность у титульных народов республик, так же как у русских в районах с доминирующим русским населением, достаточно актуализирована: ответ “я никогда не забываю о том, кто я по национальности”, в республиках выбрали более 50% башкир, татар, якутов. И чувство солидарности по этническому признаку остается высоким. Позицию “человеку нужно ощущать себя частью своей национальности” выбрали тоже более половины представителей упомянутых этносов (см. рис. 3 и 4).

В сравнении с 1990-ми гг. этническая солидаризация выросла только в Татарстане: на 9% у татар и на 15% у русских. В Башкортостане и Саха (Якутии) она снизилась на 10–20% как у якутов и башкир, так и у русских. Солидаристические представления у русских в Башкортостане, Татарстане, Саха (Якутии) встречаются реже, чем у русских, живущих в своей этнической среде, иначе говоря, в республиках русские более открыты в межнациональном общении. Не случайно готовность к основным видам контактов – деловым, соседским, дружеским – у представителей титульных национальностей в Башкортостане, Саха (Якутии), Татарстане и у русских жителей в этих республиках совпадали в ряде случаев до 1%. Солидаризация русских выше в тех республиках, где выше солидаризация у людей титульной национальности. Но при всех этих тенденциях людей с актуализированной этнической идентичностью и склонностью к солидаризации в современных условиях стало (в сравнении с 1990-ми гг.) все же несколько больше, особенно у русских и татар.

Рис. 3. Актуальность этнической идентичности.

Рис. 4. Актуальность этнической солидарности.

Казалось бы, вопрос о противостоянии гражданской и этнической идентичностей остается, но, как мы помним, гражданская идентичность в целом по России даже стала преобладающей. Если мы рассматриваем тех, у кого сильная связь и с гражданами России, и тех, кто ощущают сильную связь с людьми своей национальности, то в значительной мере это те же люди (72% и 51%), то есть гражданская и этническая идентичности совпадают, даже если обе они актуализированы. В республиках у титульных национальностей сильная связь по этническому признаку на 15–20% выше в сравнении с гражданской идентичностью, но и тут уместно говорить о совпадении идентичностей применительно к большинству.

Итак, этническая составляющая в современных российских условиях, при достаточно значимой этнической солидарности в изучавшихся республиках и в России в целом, не препятствовала распространению российской идентичности. А само ее утверждение, как в виде государственной, так и особенно гражданской, способствует единству полиэтничного социума. Тем более, у немалой части респондентов этническая не актуализирована, причем у представителей титульных этносов республик это встречается теперь чаще, чем в районах с доминирующим русским населением.

Характер российской идентичности

Единство общества может иметь разную направленность. Люди способны солидаризироваться в позитивных ценностях: обеспечении экологической безопасности, инновационных достижениях, благополучии, и др. Но известно немало исторических примеров, когда в социуме, говоря словами Л. Гудкова, имеет место “негативная идентичность” [Гудков, 2004]. Солидаризация тогда имеет негативный оттенок – ксенофобный, расистский, шовинистический и т.п. Укрепление гражданской идентичности, по идее, предполагает интеграцию людей позитивной направленности, но не все так просто. В ходе исследований в 2011 г. были обнаружены разнонаправленные тенденции. По общероссийскому опросу с доминантой русских, представление о России как об “общем доме, где все народы обладают равными правами”, разделяют 47% (тогда как в 1995 г. этот показатель был равен 65%). Идея “единения народов России” набрала больше всего голосов в сравнении с другими объединяющими позициями, но и ее поддерживают только 42%. Примерно в тех же пропорциях (41–45%) варьировались представления опрошенных о том, что “Россия должна быть государством русских людей”, что русские как большинство должны иметь в нем преимущества, что “надо упразднить деление России на республики”.

Результаты опросов в Башкортостане, Саха (Якутии), Татарстане свидетельствуют, что интеграционные идеи там поддерживались значительно более широким кругом людей. Представления о России как “об общем доме” разделяли в республиках более 90% опрошенных татар, башкир, якутов, и до 80% – русских. Полиэтничность страны в республиках около 67% русских осознают скорее как преимущество, а не проблему (среди татар, якутов башкир этот показатель чуть выше). В то же время, идею, что русские как наиболее многочисленный этнос должны иметь в стране какие-то преимущества, а титульные национальности, соответственно, в своих республиках, не поддерживают большинство населения этих территорий – ни титульное, ни русское. Точно так же обстоит дело с концепцией упразднения республик.

Идея суверенизации, популярная в республиках в 1990-е гг. и воспринимаемая Центром как возможность дезинтеграции страны, теперь не педалируется их властными элитами. Так, президент Татарстана Р. Минниханов в связи с подготовкой к Универсиаде 2013 г. постоянно подчеркивал, что Татарстан – часть России: “Мы проводим общероссийское мероприятие” ... “Мы должны любить свою страну. Мы должны делать все, чтобы наша страна была любима и другими” ... “Мы являемся частью нашей страны, частью Российской Федерации” (“Бизнес ONLINE”. 2013. 24 января; 16 февраля).

Аналогично глава Саха (Якутии) Е. Борисов на заседании ученого совета Института социологии РАН 21 ноября 2012 г. в дни празднования 380-летия вхождения республики в состав России отмечал, что характерная в прошлом тенденция к “чрезмерной самостоятельности регионов” в его республике сошла на нет. Поэтому “заявления о необходимости жесткой централизации... вплоть до отказа от деления на национальные республики” основываются на “неверной трактовке реальной картины... на устрашении общества призраками регионального этноцентризма и шовинизма”.

Оценки опрошенных мной экспертов-информаторов подтверждают эту политическую тенденцию. Так, один из них – компетентный этнополитолог из Якутска подчеркнул: «Слово “суверенитет” у нас ушло из публичной политики... хотя идея суверенитета есть у какой-то части (населения)» (2013 г.). Так же видит ситуацию и активный общественный деятель из Уфы: “Теперь время иное... при Рахимове особенно в начале 1990-х все про суверенитет говорили, а теперь другое нужно. Люди должны чувствовать уверенность в завтрашнем дне. Это составляющая психологического благополучия. Конфликта среди национальностей, среди людей нет. Все хотят сохранить культуру, хотят развития. Поэтому когда Конституцию /республики/ меняли, дебаты были в верхах. А народ был озабочен другим – надо развивать экономику республики, чтоб людям лучше жилось, чтоб дети получали хорошее образование.

Об этом говорил президент Рустэм Хамитов, когда он сменил Рахимова. К этому усилия надо прикладывать” (2012 г.).

Это позволяет говорить о том, что конструктивные в целом настроения республиканских элит и большинства населения республик сейчас совпадают. Речь теперь идет о достойном развитии внутри Федерации, совершенствовании федеративных отношений для обеспечения благополучия людей. Такие стремления в республиках есть. Немало людей полагают, что “республики должны располагать большей самостоятельностью” (больше половины опрошенных, а среди башкир – 83,1%). Около трети респондентов поддерживают идею о распоряжении землей и ресурсами самими республиками. Но большинство считают, что природные ресурсы должны находиться в совместном ведении Российской Федерации и региона. В этих установках с 1990-х гг. произошли заметные изменения в сторону сокращения этноцентристских ориентаций.

Вместе с тем приходится констатировать, что место сошедших с политической арены идей сепаратизма и радикального национализма в Башкортостане и Татарстане ныне активно стремится занять радикальный исламизм. Этноконфессиональная идентичность становится более массовой, и это несет в себе определенные риски. Сейчас в общественном мнении в Татарстане и Башкортостане исламисты-радикалы массовой поддержкой не пользуются. Но из глубинных интервью видно, как салафиты настойчиво пытаются рекрутировать маргинальные слои: людей, недовольных своим положением, считающих себя униженными, дискриминируемыми светской властью, большинством. Так что скрепы российского пространства очевидно очень динамичны, требуют постоянного внимания Центра к регионам и понимания регионами Центра, высокой гражданской ответственности элит, всех граждан страны.

Итак, и в России в целом, и в республиках – Татарстане, Саха (Якутии), Башкортостане – доминирующими тенденциями в начале второго десятилетия XXI в. были интеграционные. В названных республиках они даже более сильно и определенно выражены, чем в стране в целом и в настроениях русского большинства. В ходе опросов фиксировалась высокая (86–91%) степень взаимного доверия между татарами и русскими в Татарстане и башкирами, русскими и татарами в Башкортостане; в Саха (Якутии) этот показатель ниже – порядка 65%. Но это не снимает проблемных ситуаций. В стране и в республиках они связаны главным образом с четырьмя обстоятельствами:

- прошлыми историческими обидами и социальными напряжениями, переносимыми в этнонациональную сферу: 64% русских респондентов и 44% представителей других этнических групп присоединились к мнению, что “люди моей национальности многое потеряли за последние 15–20 лет” [Двадцать... 2011, с. 206];

- конкуренцией в условиях рыночной экономики и необходимостью социальной справедливости, которую ощущает порядка 95–96% населения республик;

- недовольством коррупцией: его проявляют свыше 90% жителей республик, отступлениями от законов, патернализмом или спорным переделом ресурсов, которые переносятся в сферу поиска виновных, в том числе по этническому признаку (“свой” – “не свой”);

- массовым нерегулируемым притоком инациональных мигрантов, обострившим межэтнические установки, которые переносятся и на диаспоры российских граждан.

Такого рода настроения улавливаются социологическими исследованиями. В частности, в сравнении с 1990-ми гг. защитные установки во всех республиках не только не снизились, но распространились, выросли более чем вдвое. Позицию “любые средства хороши для защиты моего народа” тогда разделяли 17–19% татар, якутов и башкир, а в 2011–2012 гг. уже 36–57%. Среди русских в республиках такого мнения ныне придерживаются 35–45%, а в России в целом – 46%. Хорошо, что одновременно 88% респондентов полагают, что “насилие недопустимо в межнациональных и межрелигиозных спорах”. Однако возможность этнической мобилизации, в том числе и силового характера, имеет некоторые резервы.

Далее, необходимо учитывать и то обстоятельство, что российская идентичность при достаточно высокой распространенности и ощущении связей опирается на балансирующее социально-этническое пространство. Стабильность его определяется не только взаимоотношениями и доверием между русскими и титульными этносами республик, но и фактором миграций. Отношение к инациональным мигрантам, включая российских граждан с Юга, крайне настороженное. Доля людей с совмещенными негативными установками (разделяют представления “все средства хороши для защиты интересов моего народа”, “насилие допустимо, если нарушаются интересы моего народа”, поддерживают идею выселить всех приезжих) колеблется при различных сочетаниях в пределах 15–30%. Это – дополнительное пространство политических рисков.

Таким образом, исходя из результатов опроса 2011–2012 гг., можно утверждать, что в обществе пока сохраняется значительный ресурс гражданского и межэтнического согласия. Растущая российская идентичность, совмещенная с идентичностью этнической, интегрирует людей. Если сравнивать с государствами Западной Европы, то по силе связи со страной россияне ближе теперь к жителям Великобритании или Германии. Но не следует недооценивать и тем более провоцировать риски. Крепущая идентичность заставляет россиян задумываться о справедливости существующей системы распределения ресурсов, о солидаризации против разного рода социальных несправедливостей. Ситуация здесь зависит не только от установок и нюансов массового сознания людей, но и от институтов, идеологии, политики государства, – словом, действий элит. А в идеологии сейчас, как и 20 лет назад, идут войны исторической памяти, определяются цели и образы государства и общества. При сохранении свободы выражения мнений для поддержания межэтнического согласия и консолидации общества необходимо соблюдение конституционных положений.

Не следует, например, потакать намерениям интерпретировать Россию как моноэтническое государство. Проявляя лояльность к конституционной формулировке “мы – многонациональный народ”, которая вошла в принятую в 2012 г. “Стратегию национальной государственной политики Российской Федерации” [Стратегия...] и, как показывают опросы, принимается значительной частью населения страны, противоестественно выстраивать формальную иерархию народов, различающихся этнокультурной спецификой. Даже если мы признаем ее доставшейся нам “по наследству” от советского периода, в настоящее время выделять один государствообразующий народ, за что ратуют радикально настроенные русские идеологи, как минимум, нецелесообразно. Государство образуют граждане – живущие на его территории люди разных этнических корней.

Абсурдно и идти на поводу у политиков, пытающихся превращать вопрос о федерализме в предмет торга. В силу исторических обстоятельств нынешнее федеративное устройство стало неким символом выражения и местных интересов, и этнической гетерогенности нашей страны. То, что государство – общий дом для российских народов и все они должны обладать равными правами и никто не должен иметь каких-либо преимуществ, по-прежнему – наиболее распространенное мнение. Но нельзя не видеть, что оно с каждым годом – получает все меньше поддержки: в середине 1990-х гг. это была точка зрения очевидного большинства (64–65%); в середине 2000-х гг. доля ее сторонников сократилась до 54%; к 2011 г. достигла отметки 47% [Двадцать... 2011, с. 207]. Конечно, федерализм у нас в значительной мере имитационный, но очевидно его значение для поддержания межрегионального и межэтнического согласия в государстве.

Максимальную осторожность и деликатность следует проявлять и в таком вопросе, как поддержка государством культур народов. В ответ на декларирование такого принципа многие русские тоже стали разделять идеи о том, что они “должны иметь больше прав” (45%), что “государству следует поддерживать культуру и религию большинства” (64%). За этими настроениями могут скрываться не только стремление к некому культурному превосходству, но и более сложные, порой радикальные идеи

о несовместимости культур, цивилизаций, о необходимости искусственно созданного этнического баланса. Вместе с тем видеть во всем этом только ксенофобию или, как принято говорить в мировом научном сообществе, проявления культурного расизма, было бы упрощением. Важнее понять, что за этими высказываниями кроется недовольство статусом, ощущение недостаточного участия во власти, в решении конкретных дел в Центре и на местах. Это значит, что сводить меры поддержания межэтнического согласия к финансированию культурных акций, фестивалей, выставок не достаточно ни для русских, ни для людей других национальностей.

Точно так же должна быть выверена и языковая политика государства. Ведь такой маркер, как язык, не является чисто культурным. Знание или незнание русского для людей разных национальностей в России – дорога или преграда в образовании, доступе к престижным местам. Незнание языка титульного народа в республиках для русских – преграда к участию в верхних эшелонах власти, а в каких-то случаях – и к владению собственностью. Это может ассоциироваться с дискриминацией. Решение вопросов обучения на языках необходимо решать в реально диалоговом режиме с учетом конституционных и законодательных положений. Нельзя провоцировать риски тиражированием клише о мифологизированном единстве, например славянских народов, одновременно трактуя как угрозу для безопасности страны единство других, например финно-угорских народов. То же нужно сказать и о делении людей на “местных-неместных”, “азиатов” и т.п.

В последней “Стратегии национальной государственной политики” повсеместно говорится о “единстве, равенстве народов” [Стратегия...]. Но если эти декларации будут расходиться с тем, что видят люди в практике повседневной жизни, это будет вызывать недовольство существующей системой и, расширяя зону рисков на российском политическом пространстве, разрушать межэтническое согласие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Брубейкер Р.* Этничность без групп. М., 2012.
- Гудков Л.* Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М., 2004.
- Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров). Аналитический доклад. М., 2011.
- Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У.* Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 1990-х гг. М., 1996.
- Левада-Центр. Гордитесь ли Вы тем, что живете в России? 08.09.2011 (<http://www.levada.ru/archive/gosudarstvo-i-obshchestvo/rossiiskaya-identichnost/gordites-li-vy-tem-chno-zhivete-v-rossii>).
- Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х годов. М., 1994.
- Неравенство этнических групп: представления и реальность. М., 2002.
- Окончательные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года (http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/results-inform.php).
- Путин В.В.* Выступление на встрече с представителями общественности по проблеме Северокавказского региона. 8 ноября 2000 г.⁵ (<http://2002.kremlin.ru/events/95.html>).
- Путин В.В.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 8 июля 2000 г.⁶ (<http://2002.kremlin.ru/events/42.html>).
- Стратегия национальной государственной политики Российской Федерации на период до 2025 года (<http://www.minnation.senat.org/Strategiya-2025.html>).
- Handelman D.* The Organization of the Ethnicity // Ethnic Groups. June. 1977.

© Л. Дробижева, 2014